

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОДАРЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЕЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В СВЕТЕ ПОДХОДОВ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

В условиях современного «глобального социального сдвига», поставившего многие национальные системы образования перед почти неразрешимыми вопросами о том, как возможна дальнейшая трансляция знания, профессиональным и непрофессиональным педагогам приходится работать в условиях неопределенности и цейтнота. Деформации и разрушению подверглись сегодня не только классические схемы передачи знания-информации от поколения к поколению; речь идет о почти тотальном сломе всего механизма наследования культуры. В этом смысле современные «глобальные сдвиги» можно сравнить с «потопом, мором и нашествием иноплеменных» «в одном флаконе». При этом нельзя сказать, что подобная ситуация уникальна и ничего подобного в истории никогда не было. «Революции сознания», - от неолитической до промышленной, - всегда вторгались именно в сферу трансляции знания, «переформатировали» ее. Да, сегодня педагоги оказались перед лицом ряда специфических трудностей, преодолеть которые возможно только при серьезной проработке возможных моделей «смены подходов», их ближайших и отдаленных последствий. Да, массовое сознание захлестнуло культуру и стремится занять ниши, ранее ему не свойственные. Да, сопротивление этому потоку со стороны узкого слоя «собственно культуры» выглядит слабым трепыханием на фоне мощного водопада. Однако не решать проблемы нельзя. Определенный оптимизм по этому поводу – условие возможного успеха.

В числе парадоксов, оказывающих на современное образовательное пространство наибольшее воздействие, - *размывание границ личности за счет включения ее в поле массовых коммуникаций*. Последнее также необратимо, как изменение уровня океана или тектоническое смещение геологических плит: стихия берет свое, и желание изолировать себя, своих родных и близких (а также всех «всех симпатичных людей») от данных процессов совершенно бесплодно. Разумеется, можно возразить, что сама по себе «массовость» не является безусловным злом. Предпринятые в 20 веке попытки ее «деконструкции» показали, что массовое сознание обладает рядом черт, способствующих сплочению групп, повышению производительности коллективного труда, лучшей релаксации, усилению витальной ориентации

¹ silvari@mail.ru

социума. Вместе с тем, хорошо известны и отрицательные стороны массового сознания на уровне принятия его личностью как базового ориентира поведения. Здесь приходится констатировать зависимость сознания от установки на преимущественное удовлетворение витальных потребностей, «расползание» системы ценностей и расслабление умственных способностей; «отказ» от стандартов четкого и осмысленного существования с высокой значимостью целеполагания, уход от «полагания смысла», делающего человека – человеком. Если воспользоваться лексикой античной философии, в «массовом сознании» преобладающие позиции начинают занимать животная и растительная душа, вытесняя и замещая душу разумную.

С этой точки зрения уместно изначально определиться с понятиями и подчеркнуть, что *одаренность* и в данном случае понимается в «старом», классическом, смысле – как *выход личности в сферу духовной свободы, связанный с самостоятельным преодолением некоторых пороговых показателей, являющихся средними для своего историко-культурного «локуса» и продвигающих культуру по пути творческого саморазвития.* Одаренность по-прежнему связывают с разумной душой, с ее способностью быть «управляющим центром» по отношению к животной и растительной. Ее границы, однако в наши дни определяются рядом факторов не только «внутреннего», но и «внешнего» характера, - что предполагает уточнение этих самых внешних границ, - с одной стороны, «сжимающих» и «усекающих» возможности своевременно идентифицировать одаренность; с другой стороны – расширяющих ее границы, делая само понятие одаренности слишком неопределенным. Уточнение границ одаренности. таким образом, - важный методологический вопрос, значимый для теории и практики педагогики.

1. Границы одаренности в современном мире: методологический аспект

Итак, традиционное противопоставление одаренности наличию способностей с одной стороны, - и наличию таланта с другой, сегодня нуждается в уточнении. Информационные и постинформационные изменения среды привели к тому, что в педагогической оценке перспектив развития личности оказался практически «срезанным» пласт ее *личностной одаренности* - специфической способности к саморазвитию в самых разных сферах возможной деятельности. Такая личностная одаренность формируется в процессе общения с воспитателями в раннем и среднем детском возрасте и представляет собой готовность усваивать «язык» того или иного «дела» - того, что по традиции называют «основы мастерства», «ремесло». Интерес к «ремеслу», готовность часами просиживать над трудными и скучными для других занятиями, - тренировка руки начинающего музыканта, выведение шаг за шагом линии рисунка юным художником, бесконечные па хореографии или работа с книгой, - все эти и им подобные формы освоения «притягательной» профессии необходимо «поймать» на старте, когда стремление к ним в душе

ребенка уже оформилось, а «раз-влечение» души бездельем еще не началось. Лень, как известно, – мать всех пороков. Когда же начинается освоение ремесла?

Человеческий младенец находится в бесконечных трудах. Он сучит ножками, кричит, пробует голос и мимические движения; затем начинает переворачиваться, ползать, ходить и бегать. И все это время он напряженно прислушивается; всматривается в этот мир; вникает в ситуации общения, основанные как на взаимном признании, так и на конфликте. Народная мудрость славян утверждает: «Ребенок все понимает». Всем мамам известны ситуации, когда малыши реагируют на взрослых, чье присутствие не слишком приятно родителям, но те упорно стремятся это скрыть. Заплакавший, «раскапризничавшийся» младенец выдает их с головой. Он «все понимает» на уровне чувственной, «невербальной» коммуникации; однако с каждым днем стремительно приближается к умению выразить свои чувства – сначала в знаках тембра и силы голоса, жестами и мимикой; потом – все более уверенно пользуется словом.

«Перевод» довербального понимания в речевой пласт, несомненно, во многом обедняет это самое понимание, сужая и размывая оттенки смысла, предельно точно схватываемые на чувственном уровне. Вместе с тем, такой перевод сознания на уровень «сказанного слова» (от «слова несказанного», «молчащего») требует специфических и весьма интенсивных усилий, заставляющих маленького человека до предела напрячь свою способность понимания еще и в ракурсе того, что же понятно тем, кого он понимает на своем (с моей точки зрения, более объемном) уровне. Соглашаясь с теориями, описывающими пренеонатальное, неонатальное и постнеонатальное мышление, необходимо еще раз подчеркнуть: даже если и не во всем правы их разработчики, сомневаться в наличии огромного «ускорения» в развитии личности ребенка «от 0 до 5» не приходится. И это ускорение, если не давать ему «остыть», усиленно включаясь в сотрудничество с ребенком, и дает так называемый «эффект одаренности», - получающий развернутое выражение значительно позже, к подростковому возрасту.

Выражается этот эффект, прежде всего, в радостной готовности ребенка трудиться «на избранном поприще» не покладая рук (читать, рисовать, красить заборы или полоть грядки), вначале - сотрудничая со взрослыми, а затем - постепенно отходя от их участия. Здесь важно обратить внимание на несколько деликатных моментов. Во-первых, отсутствие сотрудничества со взрослыми на начальном этапе этой энергичной деятельности - один из самых мощных «стоп-кранов», тормозящих личностное развитие. Напротив, присутствие увлеченного взрослого, внутренне отдающегося тому делу, которое он делает (и делает хорошо) – поддержка, позволяющая сохранить интенсивность развития личности. Главное здесь – сочетание интереса и труда, «образцом» чего также выступает тот или иной взрослый.

Заметим в скобках: не всегда в качестве таких взрослых выступают биологические родители – разброс «инициаторов побед» очень велик. У А.С. Пушкина была няня, Моцарта, Бетховена и Паганини «насиловали» освоением инструмента их отцы, а Платон уже во взрослом возрасте встретил Сократа. Однако «коммуникативный запал», возникший у ребенка в процессе освоения вербальных средств общения, приводит его сознание в такое состояние, когда «источником питания» постепенно становится уже не самодостаточное (и в этом смысле аутичное) пренеонатальное мышление, а само коммуникативное поле (не всегда «очное», но всегда обязательное). Отсутствие такого «энергоснабжения» - прямой путь к «угашению духа».

Во-вторых, важный момент в развитии подобного педагогического сотрудничества – умение взрослого заблокировать стремление ребенка «сесть на шею» в психологическом смысле, постепенно «отключая» собственные источники духовного движения и «подсаживаясь» на инициативу и готовность отдавать со стороны взрослого. Как и всякая инертность, подобная душевная лень очень быстро приносит свои плоды, давая сбои. Иногда - на ранних стадиях, когда ребенок целиком переключается на инфантильное «сюсюканье» вместо полноценного общения. Иногда - на стадии подростково-юношеского развития, тогда они могут стать причиной серьезных личностных катаклизмов и даже трагедий. Немало судеб одаренных детей, с которыми много «возились» в детстве их любимые наставники, переживают трагедию наличия «личной жизни» у обожаемых ими взрослых, воспринимая ее как предательство. Взрослые же, не сумев вовремя «отлипнуть» от детей, дать им возможность самостоятельно (хотя и под присмотром) расти на избранном поприще интересов, просто устают от постоянного психологического и интеллектуального «донорства», «убегая» от взрослеющих детей в общение внутри своей возрастной группы. «Поймать» момент, с которого постепенный отход от интенсивного и непрерывного педагогического общения будет уместен – величайшее искусство. Однако народная мудрость помогает и здесь: «Хватит за мамкину юбку держаться».

Третья проблема, с которой сталкивается процесс развития одаренности в детском и юношеском возрасте – это проблема внутреннего дистанцирования *самого ребенка* от своих педагогов. Стремление поделиться самым дорогим, интересным и значимым, - важная черта хорошего воспитателя. И на самом деле многие родители готовы к подобному времяпровождению со своими детьми. Вопрос в том, насколько готовы ли к нему дети. Разумеется, похвально стремление сразу и разом «дать уровень», показав настоящий профессионализм в той или иной области и включив свое чадо в систему настоящего профессионального общения и настоящей профессиональной деятельности. Однако очевидно и другое – общение с ребенком предполагает *адаптацию* привычных (как правило, «заигранных» и «омертвелых») форм профессиональной самореализации. При всем внешнем благополучии социально признанной реализации, «взрослый» профессионализм, как правило, - пересказ уже открытого, найденного и

освоенного. Ребенок же требует «честной игры»: добывай огонь здесь и сейчас! В случае, если «огонь не высекается», нельзя спрятаться за сложные слова и психологическое давление, невозможную занятость «на сей момент» и тому подобное. Огонь требуется высекать персонально для ребенка, - иначе он быстро теряет интерес к происходящему. Хорошо, если при этом не приобретает идиосинкразия к данной форме деятельности! А озадаченный взрослый, стремясь «репарировать» отношения, начинает психологически метаться, «давить на совесть» и проявлять иные формы занудства, которые способны у кого хочешь – в том числе, и у него самого в иных обстоятельствах – отбить всякое желание заниматься чем-либо вообще.

Как поддержать в ребенке интерес? Народная мудрость подсказывает и здесь: «душа меру знает». Уважение свободы детской личности требует от воспитателя, наверное, самых больших усилий: ведь легче сделать самому, или хотя бы простроить и попытаться навязать свой алгоритм, - чем дать возможность другому существу «отвязаться» и пробовать поступать самостоятельно. Традиция современного городского воспитания, штампующая в массе своей роботов, натасканных на выполнение тех или иных операций на весьма продвинутом профессиональном уровне, - прекрасный образчик такой «подавленной свободы» личности ребенка. Конечно, преждевременное «отлучение» от натаскивания на усвоение ценностных и поведенческих алгоритмов может оказаться даже более опасным, чем слишком раннее. На помощь приходит свойственная «простым душам» вера в то, что «все будет хорошо», «перемелется – мука будет», «утро вечера мудренее». Это - не просто некие «ритуальные формулы», покрывающие недальновидную беспечность и постыдную леность; это, вдобавок, формулы, модулирующие развитие событий в определенном – благоприятном для ребенка – направлении. Человек, в которого верят, способен перевернуть горы. Тот, из кого все время вымогают гарантии «поступательного развития» и «состоятельности», - скорее всего, обречен попасть в ту или иную, более или менее опасную, форму зависимости. Так одаренные люди теряются на путях судьбы, блуждая в лесах самокопания и непризнанности. Уважение к самостоятельности маленького человека не означает вседозволенности. Здесь, с одной стороны, трудно указать формальную границу. С другой стороны, она, несомненно, есть. Не «задавить» это стремление, «охоту» как страстное желание к самостоятельному самораскрытию, - важная задача педагогики.

И, наконец, четвертое. Готовность окончательно оторваться от поддержки взрослого, по-доброму сохраняя в душе благодарность за его поддерживающие усилия, пусть далеко не всегда «идеальные», - барьер, взятие которого показывает степень зрелости личности. И зависит, строго говоря, только от нее, от ее готовности «понести свободу».

Показательна следующая реальная ситуация. Некий молодой человек – талантливый актер, проявивший себя, в том числе, и на различных гуманитарных поприщах (преподавание, научная работа, перевод и т.д.) жалуется, что его мать сформировала у него множество комплексов, которые

он никак не может преодолеть. К слову, его мать – женщина без образования, которая в молодом возрасте осталась одна, без всякой поддержки, с двумя детьми на руках. Найдя работу санитарки в психбольнице, она не только смогла прокормить своих чад, но и дала им возможность получить неплохое высшее образование, а затем – найти работу «по душе». На вопрос: «Саша, а сколько Вам лет?», юноша сообщил: «Двадцать пять.» - «Не пора ли начать работать над преодолением своих комплексов самому?» Предложение молодого человека смертельно обидело. Из-за моего демонстративного нежелания согласиться с очевидным (с тем, что приходящая с работы в ночную смену санитарка психбольницы ведет себя «неподобающим образом», когда кричит на близких, оскорбляет их и т.д.) - возникла ситуация психологического дискомфорта. Однако этот дискомфорт – позитивный толчок в сторону становления свободной личности: хорошо бы выросшим детям освободить свою маму от забот по организации выживания, взвалить ответственность на свои возмужавшие плечи. Крику, возможно, меньше не станет; но самоуважение, несомненно, появится. «Народная» педагогическая культура и здесь предлагает родителям свой рецепт: «Дайте человеку перебеситься». И еще один, адресованный детям: «Наше – только то, что мы отдали».

Один из «традиционных рецептов» разрешения возникающих здесь проблем известен давно: с ребенком, развитие которого оказалось на вашей совести, стоит проводить не только «рабочее время», но и досуг. Свободное время в этом случае предполагает коммуникацию и переключение с одной формы деятельности на другую. Его организация будет удачной лишь в том случае, если ребенок и взрослый сохраняют отношения взаимной любви и уважения, предполагающие сотрудничество. В том числе, и стремление к уважительному обсуждению возникающих проблем общения и досуга.

2. Специфика влияния «информационного общества» и «общества потребления» на установление границ одаренности

Современная культура накладывает свой отпечаток на описанные выше подходы. В частности, последние пятьдесят лет много говорится о явлении *инфантилизации*, охватившей различные слои общества и отодвинувшей возраст «принятия решения», как минимум, на десяток лет. Герои фильмов 1950-ых гг. в свои 14-15 лет выглядят уже взрослыми, - так современные молодые люди выглядят к своим 30 годам. Зависимость от родительского кошелька и поощряемая психологическая зависимость от родителей – в ряду причин, породивших данный феномен. К тому же молодому человеку в наши дни не так легко найти работу: социально и экономически поощряем не «трудовой путь», а встраивание в систему потребительского клана. Соответственно, расчет перспектив жизни исходит не из того, чем ты хочешь заниматься и кем ты хочешь быть, а что бы ты хотел иметь и каким образом ты собираешься на это зарабатывать. Само по себе

важное определение социально-экономических «лесов» судьбы, однако, вытесняет у многих жизненный интерес, переводя его, опять же, в плоскость потребления (в том числе, и духовного). Нежелание *что-то делать* самостоятельно, полностью отвечая за последовательность своих действий «по гамбургскому счету», т.е. в первую очередь перед самим собой, - типичный путь уклонения от реализации своего таланта, основанный на экзистенциальном страхе. Последний с успехом эксплуатирует «общество потребления и постпотребления», паразитируя на человеческой свободе как негарантированном существовании и психологических следствиях из такого положения дел. Инфантилизация, «искусственное детство», таким образом, - вовсе не продолжение детства на луче времени. Напротив, это «сбой» в трансляции «детских интенций», их энергии и скорости; замыкание одаренности как стремления к самораскрытию «в коробке своего «я»», свернувшегося вокруг животной и растительной души.

Свою лепту вносит в усиление инфантилизации и *визуализация* (а также в целом переход преимущественно на чувственную форму ориентации в социальной действительности), свойственные современному информатизированному культурному пространству. «Свертывание» способности «раскладывать» последовательности смысловой определенности, переход от ориентации по азимуту «логоса» на ориентацию по азимуту «мифа», - также способствует замыканию человека в футляре собственных переживаний, «усечению» и постепенной деградации вкуса к тому, чтобы отдавать, а не брать. Говорить о серьезных перспективах раскрытия одаренности при этих условиях довольно трудно.

Подводя итог, следует подчеркнуть: граница одаренности в современном мире определяются как «вечными», внутренними, особенностями становления личности; так и внешними по отношению к этим границам условиями. В числе последних – следствия технизации и «обезличивания» современной культуры, перевод ее доминирующих тенденций на язык реакций «природных автоматов» физиологического и психического уровня.

Смещение возрастных границ определения и развития задатков одаренности в этих условиях кажется неизбежным и практически непреодолимым. Однако не следует спешить с окончательными выводами. Ведь тенденция к «охлаждению» первоначального порыва к самораскрытию появляется у ребенка и вне контекста современных социальных трансцензусов. Исследование ее особенностей показывает, что торможение личностного становления усиливается с каждым месяцем жизни, *начиная со времени начала освоения языка*. Соответственно, и противодействовать этому торможению опытные педагоги начинают тогда же. Оптимальная граница этого «кризиса самораскрытия», когда нарастают противоречия между тем, что ребенок *хочет* и что он *может* выразить (в случае, если родители с ним работали, - т.е. просто-напросто «нормально разговаривали»), колеблется от 1,5 – 3-х – до 3-ти лет. За этой временной границей – нарастание инерции, «упущенное

время». Сложность выражения «тонких» переживаний, нехватка слов для их выражения должны компенсироваться стремлением маленького человека такие слова все-таки найти. Отсюда, кстати, стремление детей этого возраста к созданию неологизмов. Взрослый может поддержать «разбег» самораскрытия малыша двумя взаимодополняющими путями. Во-первых, поддерживать и усиливать интерес к миру, «не-я»; во-вторых, всячески давать понять, что *слова можно найти*, их просто нужно искать.

Подчеркнем: предложенный подход – не требование форсажа «развития», влекущего к «потере детства». Речь идет лишь о наличии того самого «свободного времени», которое может быть потрачено либо на творческий труд, либо на имитацию той или иной деятельности (здесь часовое шелестение бумагой с целью показать взрослому свою «занятость» мало отличается от вызывающей игры «в стрелялки» вместо того, чтобы делать уроки). «Свободным» время может быть лишь для того, кто устремлен к творчеству, а значит – приобрел вкус к нему в соответствующее время. Никакие «искусственные задержки» - обольчивающие «детские» программы на телевидении, продление пребывания в школе до 18 лет и т.д. не должны обманывать: одаренность можно и нужно выявлять в каждом ребенке до пяти лет, в последующем постепенно «локализуя» ее. Баланс, с одной стороны оберегающий ребенка от «туссы», непрерывного бессмысленного пребывания на людях в целях самодемонстрации, выдаваемой за общение, - а с другой, от нелюдимости, помогает найти школа. Помогает, если педагоги не просто по наитию, но сознательно ставят перед собой подобные цели и серьезно работают с каждым ребенком как членом учебной группы, заинтересованно поддерживая его Божий дар.

Коммерциализация современного образования, его переход на «бесконтактные» формы общения (которое все чаще сводится не к совместному поиску знаний, а к контролю, причем контролю малокомпетентному), упор на результативность (тестовая система) взамен внимания к пути достижения необходимого результата, - эти и другие тенденции, свойственные образовательному пространству (особенно в странах славянского мира), способны привести в отчаяние даже очень опытных педагогов. Однако ни один ребенок здесь не должен остаться без хотя бы минимального внимания. Может быть, именно этот «добрый глаз», посмотревший на тебя лишь единожды, но в нужный момент, и окажется то спасительной свечкой, которая осветит дорогу жизни. Как сказал один российский юморист:

Уже давно пора сказать
Простыми, ясными словами:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами...

3. Когнитивные «сдвиги» современной культуры и их влияние на «размывание границ» одаренности

С точки зрения тех процессов, которые определяют современную культуру и оказывают влияние на предпочтение той или иной методологии работы с одаренностью, одним из наиболее значимых является, полагаю, «когнитивный сдвиг» современной культуры, фиксируемый в исследованиях по философии культуры уже довольно давно. Своеобразной «точкой бифуркации» здесь выступает трансцендентализм И. Канта, задавший, как известно, импульс смещению познавательных стратегий, прежде всего, в двух направлениях: *логическом* и *психологическом*.

Если говорить о «логиках», то здесь со времен панлогизма Гегеля и попыток создать математическое метатеоретическое обоснование как самой логике, так и основанной на ней науке в первой трети 20 века, серьезного продвижения не наблюдается. Попытки реконструировать различные «возможные» логики, зависящие от «культурной аксиоматики» (например, «западного» и «восточного» образца), обычно сводятся к стремлению найти (все-таки!) некую инварианту, что позволяет, в конечном счете, сделать вывод в духе кантовского трансцендентализма о тотальной логике как структуре самого сознания. Она не зависит ни от каких внешних и внутренних событий. Это и понятно, поскольку данный подход имплицитно опирается на прагматический аспект логики: она воспринимается как алгоритм успешного общения, способного за счет формализации свести к минимуму возможные содержательные недоразумения коммуникативного взаимодействия.

С другой стороны, всякая логика формализует естественный язык, и этим обречена на зависимость от той картины мира, которая предложена этим языком на современном ее рождению этапе развития. Так, теория отражения, без которой трудно помыслить неопозитивистскую логику Рассела и Карнапа, с трудом могла бы возникнуть на почве мифологического сознания представителя, к примеру, какой-либо африканской лингвокультуры: четкое разделение субъекта и предиката, дифференциация модальностей и вера в возможность достижения терминологической ясности – продукт иного, чем магическое, отношения к действительности.

Ясность и точность операционально применяемого английского языка – основа рождения символической логики в современном ее виде. Те «усечения» и «редукции», которым подвергается в процессе формализации «живой» смысл естественных языков, возможно, компенсируются успехами компьютеризации, оказавшейся возможной в результате применение открытий логики к процессу создания искусственных языков программирования, - со всеми вытекающими отсюда конформистскими последствиями. «Логика», вытекающие из редукции смыслов, произведенной на основе других языков, - возможно, и способны давать иное «логическое картографирование» сознания. Вместе с тем, отказ от доминирующих позиций «западноцентрической логики» означал бы не только отказ от «техногенного мышления», но и утрату

сложившейся почвы общения, ставшей устойчивой на сегодняшний день и поддержанной силой успехов модернизации экономики и социальной сферы.

Второе направление, по существу продолжающее линию кантовского трансцендентализма, - психологизация познавательного процесса, к которой при известных оговорках может быть сведен современный когнитивизм. В самом деле, попытки простроить возможные пути «вызревания» образных обобщений как границы, за которой представление способно подняться до понятийного уровня, предполагают обращение к анализу почвы такого вызревания, его условий, границ и перспектив. Антропологически заданные константы, формируемые многоуровневой спецификой высшей нервной деятельности, дополняются при подобном рассмотрении «внешними» сознанию условиями, также предполагающими строгое наложение своих данностей на тот «носитель», каковым является человеческое сознание. «История с географией» в данном случае дополняется «генетической памятью» - образными рядами, составлявшими витально значимые «открытия» древнего человека и сохранившие в процессе трансляции социокультурной памяти значение ключевых символов распознавания действительности и ее дифференциации. Различение как таковое, как известно, «запускается», когда на первом месяце жизни ребенка зрительный центр,

находящийся в левой височной доле, встречает набор знаков:

При «работе» сознания с миром символизации, действительно, возможна лишь как следствие первичного (и последующих) различений. Референтное различение как таковое, таким образом, становится базой сознания и познания, играя роль не только «механизма запуска», но и «топлива» всех последующих интеракций сознания. Отсюда простой вывод: потенциал различения, изначально присутствующий в самой структуре работы сознания – ключ зажигания, которым обладает любой человек. Разница между одаренным и просто способным состоит в том, что готовность к «включению» (и переключению) у одаренного сохраняет импульс движения, заданный с момента запуска самого механизма распознавания. Одаренный и талантливый различаются *скоростью* включения и переключения данного механизма. Гений дополняет высокую скорость несоизмеримо большим объемом внимания к действительности, по поводу которой производятся такие включения и переключения; «альтернативная одаренность» представляет собой либо аутичную замкнутость на пренонатальном цикле взаимодействия сознания с действительностью, когда механизмы дистанцирования от нее просто отсутствуют и сама по себе проблема различения *просто не стоит*; либо имеет место столь своеобразный способ различения, что транслировать его кому-либо не представляется возможным. Проще говоря, дурак из русской сказки не случайно оказывается «впереди» хорошо социализованных «умных» братьев: свобода и, как следствие, нестандартность его «ходов» позволяет ему с успехом переигрывать неподготовленных к нестандартному образу мыслей и действий «умников». К тому же «простак» в таких случаях – обычно тот, кто

готов сообразовываться непосредственно с истиной, минуя все и всех, кто «кормится», экранируя ее от окружающих и пытаясь извлечь из этого более-менее весомые сиюминутные выгоды. Альтернативная одаренность многому может научить «нормальное» сознание. Не случайно слепые дети так музыкальны, а дети-дауны так добры: их мир вбирает в себя не только «тонкость» других органов чувств (например, слуха в случае слепоты), но и «тонкость» восприятия другого человека, сопряженное с повышенной обучаемостью в иных, непривычных для обычного случая, пластах (так называемая «человеческая» одаренность). Распознавание здесь идет не по классической «когнитивно обусловленной» схеме считывания знака, а по законам неожиданных комбинаций, основанных на восприятии импульсов одобрения-неодобрения (со стороны педагогов) их собственных (и потому некоммуникативных, т.е. создающих немассовые треки новых коммуникативных пространств) импульсов к самораскрытию. **Комбинация «человеческой одаренности» и ускоренного считывания референтных знаков (в том числе, и визуализированных, - почему нет?!) – перспективное направление развитие одаренности в современных условиях.** И в самом деле, современная модернизированная культура все больше переходит на язык символов, считываемых сознанием простейшим для него способом – а именно, начинает быть зависимой от исключительной роли визуальных репрезентантов. Иероглифическое письмо, как известно, наилучшим образом соответствует такому способу мышления. С другой стороны, данное мышление, с легкостью сводящее смысл к образу, последовательность – к одномоментности, а мысль – к восприятию, довольно далеко отстоит от всего того, что по сей день считается отличительной чертой западного стиля мышления – его «логосности». «Смерть субъекта» в данном контексте – не самое лучшее объяснение происходящего; тем более, что субъект за последние 20 лет «воскрес» даже для любителей деклараций о его смерти.

Мифопоэтическое мышление предполагает совсем иные критерия для определения одаренности и выявления ее степеней, нежели мышление логосное. В частности, здесь актуализируется значение скорости распознавания сложного знака, - что является сравнительно безразличным для стилей мышления, ориентированных на последовательности. Их порядок и расположение. В случае логосного мышления важен результат плюс тот путь, которым к нему пришли; - поэтому необоснованная спешка недопустима. Напротив, для мифопоэтики главное – результат, и он является самодостаточным критерием и образцом для подражания. Примечательный факт: в современных компьютерных играх-симуляторах (например, аркадно-логических) встроен таймер, который не просто показывает максимальное время, отпущенное на ту или иную операцию, но также выдает наилучший из возможных результатов. Последний показатель способен к самокоррекции с учетом наилучшего времени, показанного самим игроком. Умение «вписать себя» в четко заданные рамки, классифицируя допустимые и недопустимые

отклонения как «попадания» и «непопадания» - важный критерий участия и в играх типа «приключения», «экшен» (включая как «стрелялки» и «бродилки», так и игры-«избегания») и ролевых играх. Четкость правил, заданный набор возможных реакций («закрытый» характер стимулируемого поведения), поощрение ускорения и «усечения» на самом деле формируют качества, необходимые для ориентации в «тесном» социальном пространстве современного мегаполиса лучше, чем любые призывы «потесниться».

«Личностные сдвиги» как аспект влияния процесса модернизации на современного человека, в свете сказанного, определяются целым рядом факторов. В свою очередь, сама «подвижка» границ одаренности в свете описанной выше «неоантропологизации» процессов культурного кодирования позволяет «расширить поиск» творчески одаренных людей, предполагая их даже в тех, кого не общественное мнение не склонно относить не только к одаренным, но просто к способным и даже «нормальным». Педагогические приемы работы с одаренной личностью в эпоху глобализации в методологическом аспекте опираются на требование учета подвижной границы одаренности, готовность педагога к серьезной и кропотливой работе, полностью не гарантированной никакими шкалами и тестами; не обеспеченной даже твердым определением самой одаренности. Признавая, что существуют наработанные в истории стандарты ее определения, современный педагог, тем не менее, оказывается перед выбором: или он готов в каждом учащемся предполагать и искать творческий потенциал, делающий его годным к той или иной области; или он не является педагогом, выступая лишь в роли «информатора» и «оценщика» чужих достижений.

Одаренность может быть направлена на различные области, - в том числе, и невостребованные в условиях современного общества. Например, блестяще пригодная к тому, чтобы выносить длительные конные переходы, решая сразу множество социально значимых задач разного уровня, оказывается «слишком резкой» в условиях разнеженной «гуманизированной» среды современного мегаполиса, где ее «бойцовские навыки» воспринимаются всеми окружающими (включая ее близких) как неадекватность, грубость и беспардонность. Думается, однако, что исторические условия не являются неодолимым препятствием для реализации подобных форм одаренности. поле применения таких «реликтов» культуры - спорт, театр и вертикальное администрирование. Самораскрытие в этих областях с успехом может заменить военные успехи племенных набегов кочевых народов на соседей (реликт тотально милитаризированной культуры, источник некоторых типов необоснованно жесткого поведения); готовность молодой и красивой девушки отправиться на дно реки «замуж» за речного бога (реликт человеческих жертвоприношений, один из возможных источников суицидного комплекса в наши дни) и т.д., давая в определенных случаях питательную среду для реализации тех же самых качеств, которые нужны для указанных случаев. **Здесь имеет место временная «задержка» культурно-психологического механизма «годности» к определенному делу, консервирующая**

одаренность, слабо востребованную (или вовсе не востребованную) в наши дни.

Миграционные процессы, если посмотреть на них непредвзято, также могут прояснить кое-что в становлении «фокуса» самореализации одаренных «не по своей географии» людей. Помимо экономического и социального комфорта, к погоне за которым обычно сводят миграционные перераспределения людских масс, существует еще комфорт психологический, который недостижим без «попадания в свое», ощущения себя «в своей тарелке» - как состоявшейся, реализовавшей себя творческой личности. Такая реализация может проходить и на уровне таланта к самым простым бытовым процессам; однако она – необходимое условие счастья. При том, что далеко не всем такая самореализация по-настоящему удастся, к ней стремятся все без исключения люди. А это значит, что ритм жизни и возможности самораскрытия на «насиженных местах» больше не соответствуют их потенциалу. Мигранты ищут, где лучше... **В этом случае перед нами «пережающая» одаренность**, - объясняющая, между прочим, способность мигрантов занимать со временем самые престижные ниши в обществах, поначалу приютивших их почти что «из милости»: «ускорение», раскрывающееся в готовности трудиться, не покладая рук, на любом поприще и стремление «пробиться», определенная амбициозность, позволяют выходцам из Пакистана стать жителями аристократических кварталов Лондона; а выходцы из Таджикистана со временем, возможно, займут не менее престижные кварталы Москвы... Отсюда – требование повышенного педагогического внимания к поддержанию «разбега» работающих и «раскачке» «спящих» детей. Отсюда же – важнейшая роль изучения родного языка и литературы, трудовых мануальных навыков, а также истории искусств как моделей обработки смысла талантливими – т.е. задающими планку культуры – людьми. Одаренность нуждается в усвоении такой планки; иначе инфантилизация грозит превратиться в аутизацию.

Методологическое требование уважения к «человеческому потенциалу» любой личности, попадающей в современное образовательное пространство, необходимо и в силу того, что данное пространство предельно обезличено как раз из-за обилия знаний и информации о том, что с этими знаниями в принципе можно сделать. Однако развитие личности по пути одаренности невозможно без человеческого тепла и готовности контакта. Без него, как следует из выше приведенного рисунка, изображающего первичный референтный знак (где старт процессу дает именно изогнутая в улыбке, а не прямая черта рта), невозможен запуск механизма распознавания. А это значит, что поиск контакта с потенциальной аудиторией – главная задача педагога. В том числе, если он стремится решить задачу определения направления потенциальной одаренности и ее реализации в конкретных условиях сегодняшнего дня.

M.V.Silanteva

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND ENDOWMENTS DETERMINE THE BOUNDARIES OF POSSIBILITIES TO DIVERSIFY ITS APPROACH IN LIGHT OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF CULTURE

In today's "global social shift" there has been a blurring of identity by incorporating it into the field of mass communications, raising the question delimitation of talent in the information. Treating talent through the prism of the philosophy of culture as a way of personality in the sphere of spiritual freedom that is associated with self-overcoming of thresholds, which are averages for their historical and cultural "locus" and promote a culture of creative self-development path, you must specify a number of features in the new environment. So, today is not only determined by the talent of "internal" factors (the disclosure of the explosive potential of the "hunt" - a passionate desire to contact and understanding with an adult), but also 'external' socio-cultural circumstances. The latter include cognitive "progress" of modern culture and the process neointeropologizatsii defining the requirement of a combination of positive psychological dynamics of the individual ("human talent") and fast readout of the reference marks (including, and visualized). Ofsted (2001), Providing for gifted and talented pupils: an evaluation of excellence in cities and other grant-aided programmes, www.ofsted.gov.uk

Keywords: The philosophy of culture, education, border gifts, the impact of technology informatizatsionnyh, psychological dynamics of personality development, the visualization of culture. infantilization of culture, autizatsiya culture, "delayed" and "anticipatory" talent.

